

DOI: 10.31648/pw.9033

ANNA ZALEWSKA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3949-5237>

Nicolaus Copernicus University in Toruń

ЗАПРЕТ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕГО НАРУШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Interdiction and the Consequences of its Violation in the Context of the Value System of a Magic Fairy Tale

ABSTRACT: This paper aims to reflect on the diversity of the interdictions which are valid in the world of a magic fairy tale, and the consequences caused by violating them. As it turns out, except for taboos expressed in an explicit way, the character of the studied narratives does not follow the rules of folk ethics of the word, and unconsciously contributes to his own or someone else's physical metamorphosis, or disregards generally accepted moral norms. As a result, he destroys the cosmic order. However, a violation of an interdiction is a necessary condition for the attainment of sociocultural maturity by the protagonist, which is formed through the process of positive initiation. The interpretative context of these considerations takes into account the value system specific to magic stories, reflecting the worldview of a traditional society. The source material used is representative of fairy tale narratives taken from several collections of Russian folk prose.

KEYWORDS: interdiction; magic fairy tale; Vladimir Propp; marvelousness; value system; sociocultural initiation

Введение

Народная волшебная сказка является повествованием с точно определенной жанровой структурой, имманентной составляющей которой является выделенная В. Проппом семиперсонажная система образов¹. Как известно, каждому из них назначена конкретная роль и задание, т. е. функция действующего лица. Под этим понимается поступок героя, рассматриваемый с точки зрения его значимости для хода событий (Propp 1928, 30-31). Благодаря этому сюжет развивается в соответствии с заранее установленным порядком действий, ведущим «от вредительства или недостачи через промежуточные

---

¹ В свою очередь, Е. Новик отметила, что классификация героев составляется по их главным качествам, реализующим принцип контраста (Novik 2001, 131-133).

функции к свадьбе или другим функциям, использованным в качестве развязки» (*ibidem*, 101). Указывая на последовательность ролей, выполняемых сказочными персонажами, исследователь обратил внимание на отлучку одного из членов семьи, являющуюся результатом нарушения какого-либо запрета: не ходить со двора, молчать во время встречи с Бабой Ягой, не заглядывать в чулан и т. п. (*ibidem*, 36).

Как правило, именно на пренебрежении определенным предписанием основывается кульминационный пункт завязки сюжета, непосредственно влияющий на дальнейшую жизнь героя, начиная с предвещения потери благополучия и скорой беды, первый признак которой – упомянутая необходимость покинуть протагонистом родной дом (*ibidem*, 37). Нарушение запрета является неотъемлемой частью композиционной структуры сказки, поскольку оно необходимо для осуществления ключевых с точки зрения сюжета действий остальных персонажей. Как писал Пропп, табу может быть выражено вербализованным образом или действовать в рамках общепринятых норм и обычаев. Следовательно, «формы нарушения соответствуют формам запрета», функцию которого выполняет еще просьба, совет, приказание либо предложение, т. е. последствия их неисполнения тождественны с проигнорированием предписания. Существование в сказке определенных табуированных действий или явлений связано с желанием уберечь человека от бедствий, обрушающихся на него в результате враждебных поступков персонажа, названного Проппом «вредителем» (*ibidem*, 36-37). Его роль состоит в том, чтобы «нарушить покой счастливого семейства, вызвать какую-либо беду, нанести вред, ущерб» (*ibidem*, 37-38).

Сказочный запрет можно однако рассматривать в более широком смысле, чем предложил Пропп, учитывающий, в частности, его словесные формы. Следовательно, целью настоящей статьи является указание разнообразия предписаний, появляющихся в волшебных нарративах. Они могут быть вербализованы или выражены косвенным образом (имплицитно), что в некоторой степени определяет мотивировку поведения нарушителя запрета. В интересующих нас повествованиях кроме словесных запретов нашли отражение такие правила крестьянского мировоззрения и шире: мифологического типа мышления, как народная этика слова или общепризнанные религиозно-нравственные нормы. Особенного внимания заслуживает также вопрос толкования последствий нарушения героем сказочного табу. Они будут рассматриваться в контексте присущей упомянутым нарративам ценностной системы как части народного мировоззрения, а также в контексте действующих в них жанровых законов.

1. Пренебрежение словесным запретом

Вербализированное табу следует считать в волшебной сказке наиболее распространенным типом запрета. Показательным примером, наглядно демонстрирующим губительные для героя последствия его нарушения, являются нарративы с мотивом закрытой комнаты или ящика. Как правило, запрет относится к персонажу, выполняющему функцию героя/героини. Игнорируя всякие предостережения, он/она входит в закрытое помещение либо пытается узнать содержимое таинственной шкатулки, после чего насылает беду на себя, а неоднократно также на свое ближайшее окружение.

В одном из вариантов интересующих нас повествований крестьянин Иван, связанный брачными узами с царевной, не принимает к сердцу предписание тестя, рекомендующего не открывать дверь амбара и не давать померить жене находящееся там драгоценное платье. В результате нарушения запрета девушка неожиданным образом исчезает, а неосторожный супруг вынужден отправиться на поиски (СУС 400₁ «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа)») (Kretov 2004, 94). Бывает также, что герой входит в таинственное закрытое помещение, несмотря на предостережение: «вот тебе ключи и вот серебряный ключ. И которая комната заперта этим ключем, в ту не ходи!» (Khudiakov 1860, 85). Выясняется, что в комнате находится змей, который, воспользовавшись случаем, выбирается наружу.

На основании приведенных примеров можно сказать, что нарушение героем запрета не всегда автоматически вызывает бедствие, материализованную опасность. Иногда персонаж сначала лишь провоцирует судьбу и подвергает себя искушению, например, рассматривая необыкновенное платье (Kretov 2004, 94). Он наказывается в тот момент, когда дает померить его своей жене. В другом случае, напротив, главный герой сразу выпускает змея, в конечном счете лишаящего его жизни через расчленение тела (Khudiakov 1960, 85-86). Небезынтересно отметить, что в мифологии славян дракон наделен демонической и, одновременно, хтонической символикой, поскольку, как отметил А. Шиевски, он «происходит от чудовища хаоса, воплощения разрушительных сил, уничтожающих космический порядок» (Szyjewski 2003, 57).

Иногда нарушение запрета входить в закрытую комнату является своего рода необходимостью, как в случае встречи младшей из трех сестер с хозяином леса (СУС 311, «Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры»). Как правило, все героини отправляются в лесную гущу и, не обращая внимания на предупреждения отца и птицы-помощника, бегут к медведю.

Тот схватывает их и тащит – старшие сестры попадают в запертое помещение, в то время как младшая становится женой хозяина лесной избушки²:

Уж так не спускали, все равно побежала. Вот бежит, птичка кричит:

– Девица, девица, вправо, вправо! Девица, девица, вправо, вправо!

А медведь кричит:

– Девица, девица, влево, влево!

Она птичку не послушалась, побежала к медведю. Медведь и ту уташил.

Так и никакой девки не стало. Вот последнюю-то уташил, в жоны взял, а те-то она и не знает где (Balashov 2017, 16).

В связи с этим косолапый запрещает последней девушке заходить в комнату, являющейся ловушкой для остальных героинь (*ibidem*). Несмотря на это, сестер спасает младшая из них, обманывая медведя и заставляя его трижды занести подарки для своих родителей – в каждом ящике прячется одна из девушек. Небезынтересно отметить, что в приведенных нарративах, по всей вероятности, нашли отражение первобытные верования о тотемном супруге-«хозяине», т. е., согласно терминологии Проппа, о животном-предке, наделяющем человека силой и благополучием (Propp 1986, 200; Meletinskii 2005, 11-12).

Героиня, спасающая своих сестер из ловушки медведя, берет на себя ответственность за их жизнь, проявляя большую, чем они зрелость и предусмотрительность. Таким образом, упомянутая сказка иллюстрирует два типа запрета: один из них должен защитить героя от разного вида несчастий, в то время как второй, напротив, направлен на то, чтобы причинить вред персонажу, скрывая от него злые намерения его противника. Запертая комната и в этом случае является необыкновенным и таинственным местом. Младшая героиня оживляет своих сестер, после чего они возвращаются домой, т. е. в свой безопасный микрокосм, навсегда покидая враждебную, но необходимую для перемены экзистенциального статуса, лесную сферу сакрум³.

Кроме запертой комнаты, в волшебных народных сказках вариантивно появляется изоморфный к ней мотив, связанный с закрытым ящиком. Главный герой получает волшебный предмет⁴ как награду за спасение птицы и уход

2 А. Лызлова отметила, что истоков мотива похищения женщины в народной прозе следует искать в мифологической действительности. По словам исследовательницы, «в сказках сохраняются отголоски представлений о возможном браке человека с когда-то почитаемыми животными [...]» (Lyzlova 2011, 103).

3 Похоже этот вопрос толкует В. Врублевска, отметив, что нарушение запрета ведет к пересечению границы между знакомым, т. е. собственным микрокосмом, и чужим, неизвестным пространством (Wróblewska 1995, 140).

4 Д. Сокаева расширила понятие «волшебного предмета» и предложила его называть «чудесным объектом», понимаемым как материальная вещь или существо (Sokaeva 2009, 143).

за ней (СУС 313В «Чудесное бегство»). Согласно совету животного, юноша обращается с просьбой к увиденной им золотой девице подарить ему ящичек, а затем, игнорируя запрет, открывает его. Выясняется, что он содержит «всякое добро», которое в результате непослушания «рассыпалось» по дороге. Герой просит Кощея Бессмертного помочь ему собрать потерянное сокровище. Тот соглашается, однако при условии: «Кого дома не знаешь, так посули, я тебе в ящик все и складу» (Karnaukhova 2008, 251). Как выясняется потом, нарушение запрета навлекает беду не только на непослушного героя, но и на его ближайшее окружение, поскольку Кощей требует, чтобы за оказанную помощь мужчина отдал ему своего новорожденного сына.

Главный герой, потеряв находящееся в ящике сокровище и собственного ребенка, проходит внутреннюю перемену, потому что преодолеваемые им препятствия превращаются в его жизненный опыт. Как во всех народных волшебных сказках, использующих мотив нарушения запрета, так и в этом случае последствия упомянутого поступка важны в процессе созревания персонажа – он лишается своей прежней неответственности и беззаботности, благодаря чему, столкнувшись с опасностью, а затем, преодолев ее, он становится уже другим человеком, достигшим новой стадии жизненного цикла.

Приведенные выше примеры указывают на непосредственную связь между запретом и инициацией, являющейся его неотъемлемой функцией. Как верно отметил Пропп, обряд посвящения, сущность которого состоит в символической смерти, непременно предполагающей возрождение, следует считать «древнейшей основой сказки» (Propp 1986, 352-353). В контексте волшебных сюжетов мотив входа в закрытое помещение или заглядывания в секретный ящик является первым и необходимым шагом к перемене экзистенциального статуса, готовности к выполнению новых социальных ролей, в том числе к вступлению в брак и созданию семьи (*ibidem*, 56).

2. Несоблюдение народной этики слова

Следующий тип запрета в волшебной сказке обусловлен одним из главных элементов народного менталитета, а именно – верой в исполнительную силу слова, что касается особенно правил наименования вещей (Engelking 2010, 83). Чаще всего герой, не задумываясь, загадывает желание, вызывает злые силы, упоминая о них вслух или лишь мысленно, а также накладывает проклятие на других с помощью магических формул. Надо однако добавить, что для осуществления проклятия этого недостаточно – важны еще обстоятельства, в которых оно произносится, а также родственные связи между проклинающим и проклятым. К тому же ключевую роль играет семейный статус обоих участников этого процесса (Engelking 1990, 27-28, 35). В народных сказках

вышеупомянутым образом, пожалуй, чаще всего родители наказывают непослушных детей, нарушивших какой-либо нравственный запрет, а тем самым установленный общественный порядок. Приведенные ниже примеры иллюстрируют мифологический тип мышления, проявляющийся в правиле «сказано – сделано». А. Энгелькинг верно отметила, что в традиционной культуре любой элемент окружающего мира должен иметь определенное название. Поэтому неудивительно, что негативные желания, а также оскорбительные или неосторожно произнесенные слова, направленные в адрес другого человека, подчиняются процессу реификации и влекут за собой последствия в виде изуродования или даже превращения в чудовище (Engelking 2010, 78, 82; см. также Dąbrowska 1995, 3).

В народных сказках неоднократно именно заклинание приводит к метаморфозу персонажей (Sitniewska 2019, 366). Показательным примером такого явления может считаться случай слуги царевича, превращенного в камень после того, как, несмотря на предупреждения птицы-помощника⁵, передает своему хозяину, Ивану Царевичу, весть об угрожающей ему и его жене опасности (СУС 516 «Верный слуга») (Onchukov 1908, 586). Эти изменения удается однако удалить с помощью крови детей царского сына.

Окаменение тела имеет также скрытый смысл, состоящий в том, что это вариант символической смерти героя, связанный с мотивом жертвы и перехода в загробный мир (Wróblewska 2019, 113). Особого внимания заслуживает способ оживления персонажа. Во-первых, от наложенного на него проклятия избавляет кровь ребенка – невинного, еще несогрешившего существа, т. е. нужна некая чистая жертва. Во-вторых, из многочисленных значений этой жидкости в данном случае актуализируются ее оживляющие, возраждающие свойства. В приведенном примере сказанное относится главным образом к жертве и очищению (Kopaliński 1990, 165).

Как отмечалось выше, в связи с метаморфозом героев в волшебных сказках появляется мотив их превращения в различных животных. Это может быть вызвано, например, родительским проклятием (СУС 451 «Братья-вороны (лебеди, волки)»). Дети не в состоянии собственными усилиями вернуться к человеческой ипостаси. Это оказывается возможным лишь благодаря самопожертвованию и любви к заклятому существу, в данном случае сестры героев, которая на несколько лет становится немой и тем спасает своих братьев. Следовательно, в рассматриваемом случае жертвами проклятия являются не только юноши, но и сама девушка.

⁵ «Кто эти вести Аркию Арковичу перенесет, тот и камень будет» (Onchukov 1908, 585). Цитаты, почерпнутые из источников, изданных до орфографической реформы в 1918 г., даются в современном написании.

3. Заколдование как результат нарушения невербализованного запрета

Бывает, что нечеловеческий облик персонажа никак в сказке не объясняется и нет в этом необходимости, поскольку загадочность и таинственность – свойство сказки как жанра. Репрезентацией категории чудесного считаются определенные явления и предметы (волшебное кольцо, волшебный шарик, жар-птица и т. п.), а также различные метаморфозы сказочных героев⁶, способных принять ипостась животного или зооантропоморфного существа, растения или какого-либо предмета, элемента неживой материи. Несмотря на то, что анализируемое явление чаще всего имеет обратимый характер, оно не всегда обусловлено конкретной причиной, т. е. неосторожно произнесенными словами, враждебностью другого героя или собственной провинностью, о чем писала Й. Луговска:

В народных нарративах, чаще всего, не говорится о причинах заколдования. Они незначительны, поскольку само заклятие как явление можно вписать в хорошо известную дихотомию сакрум–профанум, лежащую в основе народного представления о реальности. В любом случае, заколдование является результатом воздействия темных, непонятных человеку сил, и как таковое внушает страх и особого типа интерес (Ługowska 1981, 141).

В этом типе нарративов неоднократно встречаются случаи, когда персонажи предстают в изуродованном виде или как монстры. Один из самых ярких примеров такого типа метаморфоза – посмертная ипостась героини, пожирающей бодрствующих у ее гроба смельчаков (СУС 307 «Девушка, встающая из гроба»). Лишь одному из них удастся снять с нее проклятие, после чего они становятся супругами. Иногда склонность к каннибализму появляется у царевны одержимой дьяволом, т. е. толкуется в более религиозном плане: «В эти времена у царя дочь взбесилась. Каждый день человека съедает. Дьявол в нее зашел» (Leont'ev 1939, 129). Героиню спасает гибрид человека и животного – сын попа и медведицы. Сверхъестественный помощник выигрывает с чертом в карты и убивает его. Важно добавить, что в сказке не упоминаются какие-либо запретные поступки царевны, которые могли бы повлечь за собой ее проклятие, тем не менее ее одержимость дьяволом следует признать реализацией принципов религиозного мировоззрения.

⁶ Попытка классифицировать сказочные виды оборотничества была сделана, в числе прочих, Т. Краушкиной. Названные исследовательницей основные формы физического метаморфоза опираются на тотемические верования (принятие животными человеческого облика через вступление в брак с людьми), добровольную смену героем своего облика или его превращение в животное либо неодушевленный предмет вследствие враждебных действий антагониста, а также воплощение в животное «низшего разряда» (Krayushkina 2008, 73-74).

Иногда беда обрушивается на героя из-за его нетерпения, так как, например, в сказках о царевне-лягушке (СУС 402 «Царевна-лягушка»). Царевич, не зная о том, что до отмены животного облика его жены осталось буквально три дня, сжигает ее лягушечью кожу. В результате героиня превращается в белую лебедицу и улетает через окно, а ее супруг вынужден отправиться в поиски за своей исчезнувшей любимой.

В приведенном примере сказки наказание героя можно рассматривать в контексте вопроса о тотемном предке, который, согласно верованиям, является прародителем рода, заслуживающим особого уважения. Функцию такого типа персонажа в волшебной сказке подчеркнул Е. Мелетинский, отмечая, что «тотемная ипостась мифологического героя в частности, манифестирует его в качестве медиатора, что поддерживает его символическую роль в разрешении фундаментальных антиномий самой логикой повествования»⁷ (Meletinskii 2000, 179). Важно также добавить, что женская животная ипостась считается древнейшей, чем мужская (ibidem, 201).

4. Мотив нарушения общепризнанных нравственных норм

В волшебных сказках проявлением пренебрежения запретом, выраженным имплицитно, является также нарушение народного морального кодекса. В связи с этим в рассматриваемых нарративах, как правило, чаще всего осуждаются жадность, скупость и зависть, приводящие к таким проступкам, как: воровство, обман, изгнание из дома неудобного члена семьи или даже убийство. Перед такими нравственными выборами, в числе прочих, поставлены мачеха, ее родная дочь и падчерица. Согласно принципу контраста, общепризнанными нормами пренебрегает не главная героиня, а ее сказочные противники: «плохая» девушка и ее мать (СУС 480*В «Мачеха и падчерица»). Мачеха изгоняет из дома нелюбимую падчерицу, а когда она возвращается домой с богатыми дарами, отправляет в то же самое место родную дочь. В противоположность сводной сестре, выполняющей все поручения чудесного дарителя, она отказывается что-либо делать из страха или лени. В результате дочь мачехи погибает:

Она сварила суп и крикнула отца. А к ней катится тоже такая же голова. Она испугалась и залезла в печку. Голова и говорит: «девка, девка! пересади меня через порог!» – Не велик пан, сам пересядешь. – Он пересел. «Девка, девка! накрой

⁷ Об отношениях между героями и тотемным предком писала в приведенном контексте также В. Федорова: «тотемные животные и люди предстают в крепкой кровной связке. Тотемы помогают своим потомкам, но при условии, если те почитают, уважают свои истоки. Отрыв от первопредка всегда наказуем» (Fedorova 1997, 104).

на стол!» Не велик пан, сам накроешь! – Он сам накрыл; сам и пообедал. Когда она легла спать, он ее и съел (Khudiakov 1860, 49).

Стоит отметить, что в анализированных нарративах функция запрета совсем другая, чем в повествованиях о запертой комнате/закрытом ящике или о несоблюдении народной этики слова: во-первых, она заключается в сохранении нравственного порядка, принятого деревенской общиной, а во-вторых – в изгнании нежелательного члена семьи из дома, поскольку эти нормы нарушает антагонист. В рассматриваемых вариантах сказки провинность родной дочери является особенно тяжелой, поскольку она без уважения относится к человеческому (иногда – к лошадиному) черепу. Согласно Проппу, отделенная от тела голова – это, в сущности, непохороненный предок, непосредственная родственная связь с которым уже в сказке утратилась, но тем не менее он заслуживает особенного уважения (Propp 1986, 152). Сказанное относится также к дарителям-животным. Новик отметила, что «мертвое персонифицируется в антропоморфных существах» и как пример привела череп или мертвую голову (Novik 2001, 133). Следует подчеркнуть, что в славянской культуре конь находился среди наиболее почитаемых животных. Невозможно притом не заметить связи такого типа чудесного героя с тотемом, считающимся предком и хранителем группы людей, о чем свидетельствует культ лошади (см. Tomskaya 2018, 255), о которым следующим образом писал Мелетинский:

Нет сомнений, что кобылячья голова – это чрезвычайно архаичный магический фетиш, скорее всего тотемистического происхождения. Культ коня и конского черепа, в котором якобы воплощен могущественный дух, играл существенную роль в первобытных обрядах различных народов. Сказка о кобылячьей голове первоначально, несомненно, изображала «посвящение», приобретение духа-помощника (Meletinskii 2005, 167).

В обсуждаемом примере сказки способность животного дарителя говорить, естественно, указывает на его высшую, потустороннюю сущность. Поэтому неудивительно, что родная дочь за свое негостеприимство получает самое тяжелое наказание – ее съедает кобыля голова.

В основе другого варианта рассматриваемого сюжета лежит мотив встречи героинь с существом, олицетворяющим стихию мороза. Девушки подвергаются испытанию, состоящем в правильном ответе на вопросы хозяина леса. Родные дочери старухи сильно жалуются на жгучий мороз и оскорбляют своего собеседника:

Он [Морозко – А. З.] девицам говорит: «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?» – «Ой, Морозко, больно студено!

Мы замерзли, ждем суженого, а он, окаянный, сгинул». Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощелкивать. «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?» – «Поди ты к черту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмерзли». Морозко еще ниже спустился, сильно приударил и сказал: «Тепло ли вам, девицы?» – «Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный!» (Afanas'ev 1984, 115).

Нарушение запрета девицами заключается в их грубом обращении с Морозком, к которому они проявляют нетерпеливость и восстают против временных неудобств. Вследствие этого они наказываются за недостаток смирения и почитания явлений космического порядка, подвергнув сомнению благоустройство мира.

Как обычно в волшебной сказке, так и в данном случае, глубинный смысл вариантов сюжетного типа «Мачеха и падчерица» состоит в смене экзистенциального статуса героини (Propp 1986, 53-56; см. Rzepnikowska 2005, 226). Для этого нужно отправиться в лес – место, находящееся во власти сверхъестественных сил, что, согласно народным верованиям, превращает его в медиумическую территорию, которую нельзя было посещать в непредусмотренное традицией время, например, после захода солнца, чтобы не попасть под влияние враждебных человеку существ. Лесное пространство, понимаемое как *orbis exterior* – «чужая», неизвестная человеку сфера – ассоциировалось с опасностью и ловушкой.

Падчерица, а потом родная дочь подвергаются основному испытанию именно в лесу, притом встреченный ими даритель выполняет функцию своего рода проводника в процессе достижения нового жизненного статуса (Robotycki | Szpilka 1983, 92). Как человеческая и кобылья голова, так и Морозко просят их выполнить определенное задание, благодаря чему проверяются внутренние черты героинь (см. Rzepnikowska 2005, 57). Скажем, поездка на карете и золотые деньги были предназначены для того, кто сможет преодолеть страх и угостит необыкновенного пришельца. Персонажи, проходящие упомянутое испытание, проявляют притом бескорыстность, не рассчитывая на какую-нибудь награду.

Заклучение

Подытоживая наши рассуждения, следует отметить, что истинная причина какой-либо беды или гибели сказочного героя заключается в нарушении табу, вербализированного кем-нибудь из действующих лиц (словесные предписания) или подразумеваемого лишь имплицитно (народная этика слова, правила космического равновесия, касающиеся как макрокосма, так и межчеловеческих

отношений, а также почитания предков (см. Meletinskii 2000, 245)). С другой стороны, проигнорирование запрета обычно влечет за собой временные печальные последствия, поскольку волшебные повествования отличаются обратимым характером наказания. Сказанное относится к нарушению словесного предписания, а также к внешнему метаморфозу героя. В первой группе нарративов довольно часто наблюдается следующая закономерность: герою, желающему обладать запретным чудесным предметом или выбраться из ловушки антагониста, достаточно выполнить определенное задание, чтобы нейтрализовать последствия своих поступков. В случае, когда персонаж входит в закрытую комнату и никому не угрожает серьезная опасность, ему надо отправиться на поиски своего супруга (СУС 400₁ «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа)»). Но легкомысленное отношение к запрету, приводящее к трагическому положению протагониста, напротив, требует больших усилий с целью преодолеть все препятствия и вернуться в свое человеческое пространство, обогатившись ценным опытом (СУС 400₁ «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа)»; СУС 311 «Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры»; СУС 313В «Чудесное бегство»).

В свою очередь, чтобы снять проклятие, в котором герой довольно часто не виноват, он нуждается в помощи – особенно желательным оказывается тогда родственник по крови. Иногда такому лицу надо добровольно предложить себя в качестве жертвы (СУС 451 «Братья-вороны (лебеди, волки)»). Бывает однако, что для спасения заколдованного персонажа человеческие подвиги оказываются недостаточными. Тогда необходимо содействие сверхъестественного существа, отменяющего проклятие посредством борьбы с темными силами (СУС 307 «Девушка, встающая из гроба»).

В волшебных повествованиях довольно частой провинностью героя является сопротивление общепринятому нравственному порядку, в том числе нарушение границы, отделяющей потусторонний мир от земного. Это, своего рода, правило космического равновесия касается, например, предназначения различных благ. Человеку нельзя самостоятельно распоряжаться некоторыми найденными сокровищами, принадлежащими, как правило, к сверхъестественным силам, на что указывают их магические свойства. Легкомыслие и своеволие неоднократно приводит протагониста к потере драгоценностей и, вследствие этого, также к другим бедствиям (СУС 313В «Чудесное бегство»).

Очень строго осуждается также отсутствие уважения, проявляемое героем в отношении с чудесным дарителем. Упомянутый вопрос часто соотносится со сложными семейными отношениями (СУС 480*В «Мачеха и падчерица»). Мачеха и ее дочери – это персонажи, всегда ассоциирующиеся с завистью и несправедливостью, потому что именно такие качества им приписываются.

Однако стоит отметить, что в волшебных сказках женщины показаны двояко, согласно принципу контраста: хороший-плохой (например, падчерица и мачеха). На такой шаблонный способ представления героев в народной прозе сильно влияет дихотомическое мировоззрение, проявляющееся в восприятии пола как культурной модели, закрепленной в патриархальном обществе (Smyk 2019, 156).

Можно заключить, что герои рассматриваемых нами нарративов страдают чаще всего по поводу своего непослушания. С точки зрения их жанровых законов, проигнорирование различных предписаний необходимо для выполнения эстетической и социокультурной функций этих повествований (Wójcicka 2019, 266-267). Каждый персонаж играет назначенную ему сюжетную роль, поэтому жертвы правил сказочно-волшебной действительности являются частью художественной условности, основанной, в частности, на тенденции к типизации героев. Притом, в анализированных нарративах пренебрежение запретом непосредственно предшествует процессу эмоционального созревания героя, суть которого – подвергнуть его испытанию и подготовить к исполнению новых семейных и социальных ролей. Одновременно стоит подчеркнуть, что персонажи волшебных повествований могут пройти как положительную, так и негативную инициацию, наглядным примером которой является судьба родных или сводных сестер (СУС 311 «Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры»; СУС 480*В «Мачеха и падчерица»). Поскольку героини не выдерживают необходимых испытаний, нарушение ими сказочного табу не приводит к их внутренней перемене, тем самым препятствуя достижению нового жизненного статуса.

Библиография

- AFANAS'YEV, A. N. (1984), *Narodnyye russkiye skazki* A. N. Afanas'yeva: v 3 tomakh. Vol. 1. Moskva. [Афанасьев, А. Н. (1984), *Народные русские сказки* А. Н. Афанасьева: в 3 томах. Т. 1. Москва.]
- BALASHOV, D. M. (2017), *Skazki Terskogo berega Belogo Morya. Velikiy Novgorod*. [Балашов, Д. М. (2017), *Сказки Терского берега Белого моря. Великий Новгород.*]
- DAWBROWSKA, A. (1995), *Język magii – magia języka (zarys problematyki)*. W: *Literatura Ludowa*. 1, 3-13.
- ENGELKING, A. (1990), *Kłątwa rodzicielska w kulturze ludowej*. W: *Etnolingwistyka*. 3, 21-35.
- ENGELKING, A. (2010), *Kłątwa. Rzecz o ludowej magii słowa*. Warszawa.
- FEDOROVA, V. P. (1997), *Ot mifa k skazke (K probleme estetiki syuzheta o Tsarevne-Lyagushke)*. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1, 104-113. [Федорова, В. П. (1997), *От мифа к сказке (К проблеме эстетики сюжета о Царевне-Лягушке)*. В: *Вестник Челябинского государственного университета*. 1, 104-113.]
- KARNAUKHOVA, I. V. (2008), *Skazki i predaniya Severnogo kraja v zapisyakh* I. V. Karnaukhovoy. Moskva. [Карнаухова, И. В. (2008), *Сказки и предания Северного края в записях* И. В. Карнауховой. Москва.]

- KHUDIYAKOV, I. A. (1860), I. A. Khudyakova velikoruskiia skazki. Moskva. [Худяков, И. А. (1860), И. А. Худякова великорусские сказки. Москва.]
- KOPALIŃSKI, W. (red.) (1990), Słownik symboli. Warszawa.
- KRAYUSHKINA, T. V. (2008), Grupa motivov izmeneniia vneshnego oblika cheloveka v russkoi narodnoi volshebnoi skazke: tipy i funktsii. In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 12, 73-78. [Краюшкина, Т. В. (2008), Группа мотивов изменения внешнего облика человека в русской народной волшебной сказке: типы и функции. В: Вестник Челябинского государственного университета. 12, 73-78.]
- KRETOV, A. I. (2004), Voronezhskie narodnye skazki i predaniya. Voronezh. [Кретов, А. И. (2004), Воронежские народные сказки и предания. Воронеж.]
- LEONT'YEV, N. P. (1939), Pecherskii fol'klor. Arkhangel'sk. [Леонтьев, Н. П. (1939), Печерский фольклор. Архангельск.]
- LYZLOVA, A. S. (2011), Pokhishchenie zhenshchiny v russkikh volshebnykh skazkakh: mifologicheskaya osnova. In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 17, 100-104. [Лызлова, А. С. (2011), Похищение женщины в русских волшебных сказках: мифологическая основа. В: Вестник Челябинского государственного университета. 17, 100-104.]
- ŁUGOWSKA, J. (1981), Ludowa bajka magiczna jako tworzywo literatury. Wrocław.
- MELETINSKII, Ye. M. (2000), Poetika mifa. Moskva. [Мелетинский, Е. М. (2000), Поэтика мифа. Москва.]
- MELETINSKII, Ye. M. (2005), Geroi volshebnoi skazki. Proiskhozhdenie obraza. Moskva. [Мелетинский, Е. М. (2005), Герой волшебной сказки. Происхождение образа. Москва.]
- NOVIK, Ye. S. (2001), Sistema personazhei russkoi volshebnoi skazki. In: Neklyudov, S. Yu. (ed.), Struktura volshebnoi skazki. Traditsiia – tekst – fol'klor (tipologiya i semiotika). Moskva, 122-162. [Новик, Е. С. (2001), Система персонажей русской волшебной сказки. В: Неклюдов, С. Ю. (ред.), Структура волшебной сказки. Традиция – текст – фольклор (типология и семиотика). Москва, 122-162.]
- ONCHUKOV, N. Ye. (1908), Severnyia skazki (Arkhangel'skaia i Olonetskaia gg.). Sankt-Peterburg. [Ончуков, Н. Е. (1908), Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). Санкт-Петербург.]
- PROPP, V. Ya. (1928), Morfologiya skazki. Leningrad. [Пропп, В. Я. (1928), Морфология сказки. Ленинград.]
- PROPP, V. Ya. (1986), Istoricheskie korni volshebnoi skazki. Leningrad. [Пропп, В. Я. (1986), Исторические корни волшебной сказки. Ленинград.]
- ROBOTYCKI, Cz. | SZPILKA, W. (1983), W każdej bajce jest ułamek prawdy (o „funkcji” daru w bajce). W: Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Etnograficzne. 18, 81-99.
- RZERNIKOWSKA, I. (2005), Rosyjska i polska bajka magiczna (AT 480) w kontekście kultury ludowej. Toruń.
- SITNIEWSKA, R. (2019), Metamorfoza. W: Wróblewska, V. (red.), Słownik polskiej bajki ludowej. T. 2. Toruń, 366-373.
- SMYK, K. (2019), Kobieta. W: Wróblewska, V. (red.), Słownik polskiej bajki ludowej. T. 2. Toruń, 156-165.
- SOKEYEVA, D. V. (2009), Mesto i rol' chudesnykh ob'yektov v volshebnoi skazke (na materiale syuzhetov 530, 530 AT, SUS). In: Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. 4, 142-148. [Сокаева, Д. В. (2009), Место и роль чудесных объектов в волшебной сказке (на материале сюжетов 530, 530 AT, СУС). В: Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 4, 142-148.]
- SZYJEWSKI, A. (2003), Religia Słowian. Kraków.
- TOMSKAYA, M. (2018), Verbalizatsiya kul'tury nomadov v tekstakh yakutskoy volshebnoi skazki. In: Przegląd Wschodnioeuropejski. 9, 253-262. [Томская, М. (2018), Вербализация культуры номадов в текстах якутской волшебной сказки. В: Przegląd Wschodnioeuropejski. 9, 253-262.]

- WÓJCICKA, M. (2019), Bajka magiczna. W: Wróblewska, V. (red.), Słownik polskiej bajki ludowej. T. 1. Toruń, 266-273.
- WRÓBLEWSKA, V. (1995), Czas i przestrzeń w ludowych baśniach magicznych o zakazanym pokoju (T 311). W: Acta Universitatis Nicolai Copernici. 45, 133-143.
- WRÓBLEWSKA, V. (2019), Kamień. W: Wróblewska, V. (red.), Słownik polskiej bajki ludowej. T. 2. Toruń, 112-118.